

Вырезка из газеты

ЛИТЕРАТУРНАЯ
РОССИЯ

г. Москва

125 ФЕВ 1977

М. И. ГЛИНКА РЕПЕТИРУЕТ...

В марте 1880 года петербургский журнал «Русская старина» опубликовал воспоминания о первой постановке «Ивана Сусанина».

«В 1835 году, — рассказывает знаменитая в свое время певица А. Я. Петрова-Воробьева, — прошел слух в нашем закулисном мире, что появился русский композитор, Глинка, написавший большую оперу на сюжет «Ивана Сусанина». Это, конечно, всех нас заинтересовало. Вдруг в каном-то концерте наша примадонна Степанова объявляет мне, что она на днях познакомилась с новым композитором Глинкой, который завтра к ней приедет, чтобы показать арию из его новой оперы, что Глинка очень желает познакомиться со мной, спрашивал мой адрес и просил узнать, когда я могу его принять. Вместе с тем она спросила, не будет ли для меня удобнее приехать завтра вечером к ней и там познакомиться с Глинкой. Я очень обрадовалась ее предложению, потому что получала в то время 1200 рублей ассигнациями (около 350 рублей серебром) и для меня было бы очень лестно принять у себя незнакомого композитора при моей более чем скромной обстановке.

На другой день еду к Степановой, жду чего-то необыкновенного, думаю встретить что-то гордое, величественное; воображение-то у меня очень разыгралось. Вхожу и вижу господина очень маленького, худенького, черненького; лицо бледное, волосы темные, прямые; серенькие маленькие глазки, только в них мелькает искорка. Я так и ошелолила: такая противоположность с тем чего я ожидала совсем меня озадачила, и я едва овладела собой, чтобы скрыть мое изумление.

После обычных представлений Глинка сел за рояль и пропел романс Антониды «Не о том спорюлю, подруженьки» и этим с первого раза совсем меня покорила. Голос у него был небольшой, довольно приятный, много чувства и умения, владел он голосом чудесно, и я тут же подумала, каким бы он мог быть бесподобным учителем. После романса он попросил Степанову посмотреть с ним начало первой арии; оно мне показалось очень ново, оригинально и совсем в русском духе. После арии Глинка обратился ко мне со следующими словами:

— М-и Воробьева... я ото всех слышу, что у вас настоящий контральт и что у вас бездна

чувства. Ввиду этого — песенку из моей оперы, которую я принес, я попрошу вас петь без всякого чувства.

Это меня несколько изумило, и я сказала ему:

— Михаил Иванович, я бы очень хотела исполнить ваше желание, но я на сцене привыкла давать себе ясный отчет — почему я пою такую-нибудь вещь так, а не иначе; и потому прошу вас объяснить мне, чем вызывается у Ваны такая безучастность в этой песенке?

Он мне на это сказал:

— Я это объясню вам, Анна Яковлевна, тем, что Ваня — сиротка, живущий у Сусанина, сидит в избе один за какую-нибудь легкую работой, и напеваает про себя песенку, не придавая никакого значения словам, а обращая более внимания на свою работу.

Это было для меня довольно. Я пропела песню, и Глинка сказал: «Пойдет прекрасно».

...Я потому описала так подробно мой первый разговор с Глинкой, что если когда-нибудь какой-нибудь будущий «Ваня» прочтет эти строки, то будет знать, чего хотел Глинка от этой песенки; главное — он хотел натурности и простоты, но отнюдь не итальянской мелодрамы.

Не знаю, по какой причине открытие Большого театра было назначено непременно на 27-е ноября. Репетиции у нас шли очень усердно, а внутренняя отделка театра была еще не готова, и мы делали репетиции на сцене с двойным аккомпанементом: внизу играет оркестр, а во всех ложах обойщики стучат молотками, обивая бархатом ложи и навешивая драпир. На одной из репетиций с оркестром на сцене наш тенор Леонов прислал записку, что по нездоровью он не может быть на репетиции; Михаил Иванович был тут же на сцене и, узнав, в чем дело, говорит: «Ну, ничего, я за него спою». Начали репетицию, а Глинка похаживает по сцене да руки потирает; наконец наступает выход Сабинина. Глинка очень храбро подходит к рампе, открывает рот, чтобы пропеть первую фразу: «Радость безмерная», но произнеся слог «ра...» остановился; оркестр тоже замолчал; все смотрят на него с недоумением. Мы говорим ему: «Михаил Иванович, что же вы? Продолжайте».

А он сконфуженно отвечает: «Не могу, оркестр».

Мы все стали его успокаивать, а он повторяет: «Не могу... посмотрите и руки похолодели, и сердце бьется... Ах, черт возьми, я и не ожидал, чтобы так страшно было петь на этих досках». Репетицию стали продолжать без него, мы же много этому смеялись и впоследствии иногда напоминали ему неудачный дебют. Он и сам этому смеялся».